

ИРИНА
Волкова-Китайна

Жилы-Былы
В РОССИИ и СООБ

Ирина Волкова-Китаина
Жили-Были в России и СССР

«Нордмедиздат»

2015

Волкова-Китаина И. Г.

Жили-Были в России и СССР / И. Г. Волкова-Китаина —
«Нордмедиздат», 2015

ISBN 978-5-457-84119-2

Наш класс отмечал какой-то год окончания школы. За столом кто-то сказал: «Мы все похожи, потому что...», и неожиданно в этот момент Люба Серегина, моя соседка по столу, крикнула: «Как в Старом Рахино!» – Люба! – Я повернулась к ней. – Ты знаешь Старое Рахино?! – Да. У меня большая родня там жила. Я туда ездила. Сейчас мы все посмотрели друг на друга, по-родственному, как в Старом Рахино. Я сразу его вспомнила. А почему ты о нём спрашиваешь? Я ответила: «Я тоже знаю его».

ISBN 978-5-457-84119-2

© Волкова-Китаина И. Г., 2015

© Нордмедиздат, 2015

Содержание

Старое Рахино	6
Тихомировы и Тумановы	8
Рословы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ирина Волкова-Китаина Жили-Были в России и СССР

Ирина Волкова-Китаина

Наш класс отмечал какой-то год окончания школы.

За столом кто-то сказал: «Мы все похожи, потому что...», и неожиданно в этот момент Люба Серегина, моя соседка по столу, крикнула: «Как в Старом Рахино!»

– Люба! – Я повернулась к ней. – Ты знаешь Старое Рахино?!!

– Да. У меня большая родня там жила. Я туда ездила. Сейчас мы все посмотрели друг на друга, по-родственному, как в Старом Рахино. Я сразу его вспомнила. А почему ты о нём спрашиваешь?

Я ответила: «Я тоже знаю его».

Старое Рахино

О Старом Рахино я слышала каждый день, пока была жива моя бабушка Рослова Мария Никитична. Сделанная более ста лет назад в уездном городе Крестцы её, шестнадцатилетней девушки, фотография с надписью: «Милой подруге Кити от Мари», возвращённая ей подругой уже при мне, висит в моей комнате как произведение искусства, и как искусство я воспринимаю теперь бабушкины рассказы о её родине.

Вот бабушка везёт меня в Максимиляновскую поликлинику. Трамвай в начале пятидесятых годов ходил в Ленинграде мимо Исаакиевского собора. Я спрашиваю: что это? Она отвечает: Исаакиевский собор. В Старом Рахино тоже большой собор, но там ещё и колокольня есть!

Когда мы жили рядом с лесом, она меня в него не пускала. Тут тебе не Старое Рахино! Это у нас в лесходишь, как в залу! За версту видно и дорогу домой, и Рахино. А чистота! Грибы будто на выставке стоят. А птиц! Не отлавливай их, так они бы весь лес склевали. Наши мальчишки голыми руками ловили глухарей, куропаток, тетёрок!

Всем агитаторам, ходившим перед выборами по домам, она называла адрес своего рождения торжественным голосом: «Село Старое Рахино! Крестецкий уезд! Новгородская губерния! Россия!» – Иногда я смеялась над старомодными словами: уезд, губерния. И тогда она показывала мне свой паспорт. Там всё так и было написано. Единственное это я считала реальностью, всё остальное принимала за сказки. Однажды читала мне, как Емеля поймал в проруби щуку, вдруг закрывает книгу и говорит: «Твоя бабушка тоже щуку поймала!» – «Где?!» – «В Старом Рахино! Щука в Холове, в нашей речке рыбок ловила. Раз стояла в воде, караулила добычу, а бабушка хват её рогатиной под самые жабры – и на берег. Голова щуки от старости мхом поросла. Ростом она была с человека!» Рассказывала бабушка ещё о таинственной «Чёртовой кухне» – озере на окраине села, в котором черти круглые дни варили обеды. Вспоминала она и четыре сопки, усеянные её любимыми ландышами и земляникой.

Из рассказов её и её сестёр мы, их внуки, никогда не бывавшее в Старом Рахино, знали о многих его жителях. Если кто-то выглядел глупо, сёстры говорили про него: «Да он Ляля Большаков», или самому ему: «Ляля, ты Ляля!». Так в Старом Рахино звали одного дурачка. Хозяек, которые не варили дома обеда, называли «Феша Зеховская». Это в селе была глупенькая старушка, жила одна, готовить не умела, захочет поесть – идёт к соседям. Её кормили всем селом. На слуху у нас постоянно звучали и фамилии трудолюбивых грамотных семей: Державины, Серёгины, Лёвины, Адестовы, Ильменские, Высокоостровские, Гусаровы, Мичишнины. Фамилия бабушкина отца Тихомиров, а мамина девичья Туманова. Часто всех из большой семьи Тихомировых называли Тумановы. Бабушка объясняла: наш папа был пришлый, а Тумановы жили в селе чуть ли не с его зарождения, были строителями, много чего построили, даже мельницу.

Недавно, надеясь ещё что-нибудь узнать о Старом Рахино, я на всякий случай заглянула в Интернет. Оказалось, там о нём много статей! Его первоначальное название – Рахино. В XV-м веке ещё до Ивана Грозного оно было большой деревней. А в XVIII-м возле него прошла Екатерининская столбовая дорога, где на каждой версте по указу императрицы стояли мраморные столбы. Проехав именно по этой дороге, Радищев написал своё «Путешествие из Петербурга в Москву». Кстати, Александр Сергеевич Пушкин оставил о нём нелестный отзыв: «...очень посредственное произведение, не говоря даже о варварском слоге. Сетования на несчастное состояние народа, на насилие вельмож и проч. преувеличены и пошлы. Порывы чувствительности жеманны и надуты, иногда чрезвычайно смешны». Фёдор Михайлович Достоевский тоже нелестно написал о Радищеве: «...отрывки и кончики

мыслей у него соединяются с вольными переводами подобных сочинений французских просветителей».

Деревня Рахино перешла в ранг села в 1837-м году, когда здесь построили белую каменную церковь Рождества Пресвятой Богородицы, а населённый пункт с церковью – уже не деревня. Вслед за церковью в Рахино появились три часовни, церковно-приходская школа, а затем хлебный магазин-склад, 3 чайных, 5 мелких лавок, кузница, две мельницы. Жители трудились во всех областях: ловили рыбу, лесную дичь, били растительное масло, мололи зерно, изготавливали крупы, пекли на продажу пироги. «Кокоры» – ватрушки, где вместо творога картофельное пюре, разведенное на сметане, дорожный пирог с тушеной кислой капустой и рыбой охотно покупали все путешественники. Екатерининская дорога пролежала возле села около ста лет. При Александре Втором проводился её ремонт. Мужики сельской общины Рахино попросили ремонтников немного отодвинуть шумную дорогу от их села, но точно не договорились с ремонтниками; те убрали петлю, подходившую к Рахино и, выпрямив тракт, провели его за семь вёрст от него. Некоторые из Рахино переехали к большому тракту. Так возникло поселение Новое Рахино. Прежнее село стало называться Старым Рахино. Но, несмотря на возникшую удалённость от большой дороги, оно продолжало развиваться. В годы реформ Столыпина, когда крестьяне получили право на широкое кредитование банков и смогли выкупать у помещиков излишки земель и продавать часть урожая, в Старом Рахино стали быстро строиться двухэтажные дома по примеру уездных городов. Из них вокруг церкви возникла площадь. На ней появились деревянные тротуары.

В 1908-м году село стало центром Рахинской волости. Здесь заработала почта с доставкой писем и газет, открылась вторая уже земская школа, тогда же на площади появился «Народный дом». Идея создания таких культурно-просветительных учреждений для простого народа родилась в Англии в конце XIX-го века. Подобные центры возникали и в России, сначала в столичных и губернских городах, затем в уездных и сёлах. В «Народном доме» Старого Рахино заработала библиотека, открылся танцевальный зал и даже сцена, где игрались пьесы. В тот период расцвета Старого Рахино и проходили юные годы моей бабушки.

В марте 1970-го года, когда мне было 29 лет, а моему сыну Григорию 11, я перешла из газеты на Ленинградское телевидение. Редакцией информации руководил прекрасный журналист Николай Петрович Добровольский, оправдывающий свою фамилию. Он мне предложил поработать на всех майских праздниках, затем взять отгулы. Вместе с выходными получилось 10 дней. Я решила провести их в Старом Рахино. Моя мама созвонилась с дядей Сашей, сельским кузнецом, бывшим мужем бабушкиной сестры Евдокии. После её смерти он был женат уже третий раз, но не порвал связей с нашей роднёй. Мама с Гришей поселились у него. Я приехала через две недели в разгар лета. Шофёр высадил меня на развилке, показал на плотно утоптанную среди полей ржи дорогу. Я шла по ней, как по ожившей картине русских художников. Домов ещё не было видно, но вскоре состоялась первая встреча с одним из бабушкиных рассказов. Внизу от дороги, в тени крутых берегов, открылось озеро. Вода в нём бурлила, как кипятик в кастрюле. «Чёртова кухня!» – узнала я, а вслед за ней увидела и милые бабушкины сопки. Её любимые ландыши уже отцвели, но под их парными зелёными листьями краснела земляника. Видимо, за ней шли с маленькими лукошками две девочки. Я спросила, где дом кузнеца.

– А вон! – ответили мне. – Из него как раз выходит Гриша Туманов!

Господи, это мой Гриша! – я обрадовалась сыну, а что его называли Туманов, ничуть не удивилась, ведь бабушкину родню в селе называли Тумановы. Куда больше я удивилась, когда я и мама принесли домой корзину грибов, и жена дяди Саши мне сказала: «А на днях Григорий нам из леса ещё и тетёрку принёс. Поймал голыми руками!»

Тихомировы и Тумановы

Бабушкины сёстры и она сама с удивительной для меня гордостью говорили: «Наш папа был подкидыш!» – Его подкинули младенцем в Новгороде, в генеральскую семью, где были свои дети. Подкидышу дали имя Никита Иванович Тихомиров, оставили в семье, но происхождения его не скрывали. В юности он проявил интерес к коммерции. В конце XIX-го века в Крестецком уезде Новгородской губернии широко развилось художественное ремесло под названием «Крестецкая строчка». Белые, похожие на кружево, вставки в одежду, в скатерти, бельё выполняли в пальцах иглой с отломанным концом. Заказы на них поступали из разных мест России и других стран. Почти в каждом доме женщины уезда занимались этим ремеслом и получали от него хорошие деньги. Молодой Никита Тихомиров брал в Крестцах заказы на строчки, развозил их по сёлам и деревням, а потом готовые изделия отвозил в контору.

Маша Тихомирова. Фотоателье г. Крестцы. 1912 г.

Приёмные родители в самом начале его коммерции купили ему коня с кожаной повозкой и большие чемоданы. Позже он купил на зиму и сани, завёл себе кучера и разъезжал по уезду. Родиной строчки являлось село Старое Рахино. Никите понравилась в селе девушка Паша. Он пришёл свататься к её родителям Василию и Марфе Тумановым. Они имели всего двух детей: сына Николая и дочь Прасковью. Небольшая по тем понятиям семья жила в одноэтажном, но просторном доме, скромно стоявшем на сельской площади немного наискосок от церкви. В 1970 году он там же крепко стоял. Я и Григорий его видели. Марфа и Василий хотели выдать дочь за кого-то местного и отказали жениху. Тогда он поехал с невестой в расположенный неподалёку от Старого Рахино женский монастырь, где родная сестра Марфы была игуменьей. Она благословила молодых, и Тумановы сыграли им свадьбу. Вскоре у Тихомировых родился сын Пётр, потом дочь Мария – моя бабушка, и за ней третья дочь – Паруся.

Маша, Петр и Прасковья Тихомировы. Фотоателье г. Крестцы. 1914 г.

Книги известной петербургской писательницы Ирины Волковой-Китаной можно заказать в интернет-магазине www.litres.ru

Никита Тихомиров построил на сельской площади свой дом. Он был намного больше дома тестя, рассчитанный на растущую семью, двухэтажный, с железной крышей, навесом над входом, без резных украшений, но с большими окнами и строгими наличниками по размеру других строившихся в селе домов. Когда я увидела его, у него сохранились на двухэтажных верандах гнутые на углах стёкла, характерные для стиля модерн. В этом доме и росли моя бабушка, её братья и сёстры. Детей у Тихомировых было шестнадцать. После трёх войн, революции и репрессий осталось пять сестёр. Они были очень дружными и вместе со своими мужьями, детьми и внуками составляли единую большую родню. Бабушкиных сестёр мой сын помнит. Это его двоюродные прабабушки: Прасковья, Анна, Зинаида и Вера Никитичны, но он и я называли их тётя Паруся, тётя Нюра, тётя Зина и тетя Вера. Все они, кроме моей бабушки, обучались грамоте в земской школе Старого Рахино. Бабушка два года ходила в церковно-приходскую. Там она научилась читать, освоила два действия арифметики, выучила Библию Ветхий и Новый заветы и решила: этого достаточно. Она любила ухаживать за коровой, готовить, накрывать стол для большой семьи, ходила в Народный дом на танцы и даже играла в народном театре. Больше всех тянулась к образованию её сестра Паруся: после земской школы она училась в Петрограде на двухгодичных учительских курсах. На их базе позже был основан Педагогический институт имени Герцена. Всю жизнь Прасковья Никитична любила русскую литературу. Вот одно её воспоминание из 1910 года, фактически из её детства, связанное с литературой: «Наш папа выписывал всякие печатные издания. Раз раскрываю “Ниву” и вижу в траурной рамке портрет Льва Толстого. Я уже читала “Войну и мир”, “Казачи”. Он был мой самый любимый современный писатель. В слезах я побежала в церковь к нашему попу отцу Андрею Ильменскому. С его дочерью Машей мы были близкие подруги и не раз говорили о Толстом. Маша, также как и я, обожала его. Отец Андрей был просвещённым человеком, я считала: он поймёт моё горе. Но когда я вбежала в храм, то решила лучше поделиться с моим духовником и бросилась к нему в ризницу. “Отец диакон, отец диакон!” Он: “Панюшка, что случилось, дитя моё?” Я: “Отец диакон, Лев Толстой умер!” А дьякон: “Ерунда! Не плачь, Панюшка. Пустяшный был человек”. Понятно, почему дьякон так сказал. Прасковья Никитична, наша тётя Паруся, этот случай вспоминала нам, внукам, не раз и в конце всегда напоминала о рассказе Куприна «Анафема», написанном им в Гатчине по реальному событию. Во время анафемы Льву Толстому протодьякон Гатчинского собора Амвросий (прототип героя Куприна) пропел громогласно на весь собор не анафему великому писателю, а Аллилуйя, т. е. Слава Толстому! Думаю, Прасковья Никитична рассказывала эту историю и своим ученикам, когда преподавала литературу. Во время учёбы ещё в земской школе Старого Рахино она была влюблена в своего учителя истории и литературы Алексея Евгеньевича Гоголева. В 1914 году её возлюбленный, её старший брат Пётр Тихомиров и десятки мужчин Старого Рахино ушли на Первую мировую войну. На прощание Петя сфотографировался в Крестцах с двумя своими сёстрами Марией и Прасковьей. Фотография в моей семье хранится уже сто лет. На ней Петя в форме солдата, моя бабушка в белом платье со вставленными строчками, выполненными её руками, а тётя Паруся в жилетке с меховыми вставками на груди, модными в 1913-14 годах и сейчас в 2013-14.

В годы Первой мировой, или, как её называли тогда, Германской, войны моя бабушка встретила свою любовь. Её избранником оказался случайно захвативший в Старое Рахино студент Петроградского института путей сообщения Григорий Рослов. Лихо она его захватила! Он гостил у родственников своих сокурсников братьев Мордухай-Болтовских. Кстати, одно время в их семье мальчиком служил в лакеях Михаил Калинин. Повзрослев и работая уже

в других местах, он навещал бывших хозяев в их петербургском доме, где его по-прежнему называли Миша. Калинин был общительный, отличался грамотной, образной речью, из-за чего студентам нравилось с ним разговаривать. У друзей Григорий Рослов гостил недолго и уже собирался отправиться к родителям, но перед отъездом приехал посмотреть «Чёртову кухню» в Старом Рахино. Тётя Паруся рассказывала мне, как на середину их площади прогарцевала лошадь с открытой коляской, а в ней три молодых человека. В это же время через площадь шли три девушки. Это были сама тётя Паруся, моя бабушка и подруга их поповская дочка Маша Ильменская. Они спешили на репетицию в Народный дом, где в тот день все три играли в пьесе Фонвизина «Недоросль». «Мы с Машей хотели пройти мимо, – вспоминала она, – но твоя бабушка птицей сорвалась с места, прямо подлетела к молодым людям и пригласила их на спектакль». О дальнейшем с юмором мне рассказывал дед: «Бабушка твоя начала со сцены на меня взгляды кидать и прямо, и через плечо, я, скромный студент, только краснел. Уезжая, я спросил её адрес, написал, как требовали приличия. И тут началось! Что ни день, от неё письмо! То о Фонвизине пишет, то о Чехове! То каких пирогов она напекла для семьи. Подписывается “Твоя Марийка”. Ну, я решил, раз пишет твоя, значит моя, и письма такие хорошие. Но письма-то писала не она, а её подруга поповская дочка! – тут дедушка добродушно смеялся.

– Твоя бабушка только из Петрограда сама написала письмо родным и даёт мне посмотреть, нет ли ошибок. Я глянул – одни каракули, и в конце – “Всех *чалую*, ваша Марийка Рослова”.

Летом 1916 года моя бабушка, тогда сельская двадцатилетняя девушка, стала женой инженера-железнодорожника и уехала в Петроград. Григорию Рослову было тогда 25 лет.

Рословы

Дедушка рассказывал, что его отец Варфоломей Рослов родился крепостным крестьянином. Я делаю вывод: это было до 1861-го года. В 17 лет Варфоломея забрали в солдаты. На 25 лет! Он служил при двух императорах Александре II и Александре III. Дома его ждала невеста.

Во времена Александра III, прозванного в народе Миротворец, Россия не ввязывалась ни в какие войны, и солдат часто направляли на строительство железных дорог. Мой прадед попал на возведение Великого Сибирского пути. Он прокладывался одновременно с разных участков. Варфоломей Рослов работал сначала на Прибайкальской территории, а затем в Китае. От бабушки я не раз слышала, как китайки кормили наших солдат горячими пельменями. Солдаты спускались за ними с насыпи и с полными котелками рассаживались на рельсах. Китайки уже налегке тоже поднимались на насыпь посидеть на рельсах, но у них были маленькие неустойчивые ноги (дань моде, начиная с династии Мин), и если дул ветер, китайки падали на бок и кубарем катились вниз. Солдаты ели пельмени и смеялись. Этот момент короткого веселья из тяжелой солдатской жизни моего прадеда трогал меня до глубины души. Свои чувства к нему я отдала одной из героинь моей повести «Барабанщики из Поднебесной», которая, подъезжая к Харбину, вспоминает этот эпизод, единственный известный ей из жизни её предка, и мысленно обращается к нему: «Прадедушка мой, миленький, Варфоломей наш, ты строил здесь эту дорогу, сидел на рельсах, ел пельмени, смеялся...»

Кроме мирных работ, рекруты несли военную службу, а закончив её, получали чин унтер-офицера и 2 тысячи серебром на обзаведение хозяйством. В 1909-м году этот закон отменили. В Армию стали брать только на 3 года. Но в XIX-м веке Варфоломей Рослов вернулся на родину в новом мундире унтер-офицера и с деньгами. Ему было уже за сорок. Тянуть с созданием семьи он не хотел. Бывшая его невеста за время его службы умерла. Он посватался к её младшей, но уже не молоденькой сестре Ирине, получил согласие и уехал в Валдай готовить семейное гнездо. Через Валдай от Старой Руссы до Николаевской железной дороги проходила однопутная рельсовая ветка, полностью разрушенная в годы Великой Отечественной войны. Но во время приезда Варфоломея она была только что проложена. Варфоломей, быстрый в решениях, устроился на вокзале унтер-офицером, приобрёл неподальёку от станции этаж каменного дома, рядом с ним купил чайную, женился и начал семейную жизнь.

Валдай – родина церковных колоколов, знаменитых Валдайских колокольчиков (дар Валдая), звеневших на дорогах России, и ещё родина обыкновенных баранок, которые подавались в чайной Варфоломея и Ирины Рословых. Дома Рословы иногда ели горячие баранки с мёдом. Дедушка вспоминал, что в таких случаях отец весело произносил за столом поговорку: «Хвалила себя калина: я с мёдом хороша, а мёд говорил, но я без тебя ещё лучше!» Мёд Варфоломей не любил и произносил ещё поговорку: «Мёд, мёд раз в год, да и то надоест». Он любил овсяную кашу. А когда в пост подавался овсяный кисель, он, подражая местному дьякону, протяжно пел известное из азбуки стихотворение Жуковского: «Дети, овсяный кисель на столе, читайте молитву. Смирно сидеть, не марать рукавами и к горшку не соваться».

У Варфоломея и Ирины было пятеро детей. Григорий – мой дедушка, и ещё Лидия, Клавдия, Лев и Савелий (Лёвка и Савка – так называл братьев в своих рассказах дедушка). Вот одно из его воспоминаний о брате. Однажды какой-то учитель объявил детям, что завтра у него день ангела, и просил передать это родителям. Савка передать забыл. Утром в начале урока все ученики по очереди понесли учителю подарки. У Савки подарка не было. Он

решил отдать свой баранок, но пока шёл к столу, подумал, что ему ничего не останется есть в перемену, поэтому отломил половину баранка и положил перед именинником. Потом мать приходила извиняться за сына и сделала учителю более существенный подарок.

Григорий Рослов г. Валдай, 20-е годы

О матери Ирине Рословой дедушка говорил тепло, как и об отце. Она носила маленькие шляпки с сеточкой, модно одевала дочерей, вела себя с достоинством, была грамотной, всегда смеялась над солдатскими шутками отца и следила за уроками детей. “Я учиться хотел на железнодорожника! – рассказывал дедушка, – Отец за руку водил меня на станцию. Мы вместе смотрели паровозы. Мне от них глаз было не оторвать. Свистнут, пар пустят, закрутят, как членистоногие кузнечики, колёса, запыхтят и покатятся. Отец тоже любил на них смотреть”.

Варфоломей Рослов работал всю жизнь. Перед революцией он вышел в отставку. В революцию его лишили пенсии, отняли чайную, а потом отобрали и этаж дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.